

№ 393 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

«Ревность не по разуму!»

В нынешнем уставном отрывке из послания апостола Павла к Римлянам автор сетует на религиозно-нравственную ущербность израильтян: «Братия! желание моего сердца и молитва к Богу об Израиле во спасение. Ибо свидетельствую им, что **имеют ревность по Боге, но не по рассуждению...**» (Рим.10,1-2). «Ревность по Боге не по разуму» – это всё равно, что сказать: «Заставь Дурака Богу молиться, он и лоб себе расшибёт».

Слово «ревность» в данном контексте уместно было бы заменить на «усердие». Многие иудеи действительно усердно исполняли Закон Моисеев, но никто не задавался вопросами – а почему **нельзя** того или иного – например, войти под кров язычника? С какого перепугу всего лишь капля крови, попавшая на тело или одежду, может «осквернить» правоверного иудея? Фактически религиозная жизнь израильтян сводилась к двум спискам: «это положено», а то «запрещено». Вот «так надо!» - и никаких рассуждений.

И здравый смысл в подобных обстоятельствах, как правило, отступает – люди оказались не способными усомниться, образно говоря, в целесообразности кнутов, пересев с лошадей на автомобили. Более того, когда им говорят, что скорость движения машин не увеличится за счёт стегания их батоном по капоту, они норовят затеять драку.

- «Моисеев Закон **завершился** во Христе!» - пытался объяснить иудеям первоудьякон Стефан, и слушатели тут же его схватили и забили камнями. Это же говорит и Павел: «конец Закона – Христос!» - тоже камни полетели в апостола, просто на тот раз – насмерть не добились.

Сказать, что нынешние христиане лучше? Маленько есть. Но, выбросив на свалку истории 613 **иудейских** предписаний, наши «к свободе призванные братья» (Гал.5,13) успешно сочинили тысячи новых канонов. Это и так называемые «Правила святых апостолов», и «Правила Вселенских соборов», и «Правила Поместных соборов», и «Правила святых отцов». Это и монастырские уставы, по правилам одного из которых до сих пор живут православные (Иерусалимский устав Саввы Освященного). И неважно, что составлявшие его «благочестивцы» периодически впадали в полное безумие – например, предписывая порядок Богослужения в Страстную пятницу, если на неё попадает праздник Благовещения. Или по поводу постов, подчас полнейшие глупости – мол, до Преображения – нельзя вкушать виноград и яблоки. А в Лазареву субботу – рыбу есть нельзя, а лишь рыбью икру (желательно осетровую). На довесочек ещё **псевдоцерковные** предписания - абсолютно сумасбродные, наподобие того, что, мол, нельзя венчаться в високосный год! Нельзя подавать ножи и вилки за

стол на праздник Усекновение главы пророка Иоанна Крестителя, а так же - на поминки. В какие-то храмы, захваченные мракобесами, девушку не пустят с непокрытой головой или в брюках, и многое чего ещё. Некоторые попы просто оргазмируют, произнося: «нельзя – это грешно!». Жить мужчине с женщиной невенчанными - нельзя! Использовать противозачаточные средства - нельзя! Секс в периоды постов – нельзя, и так - длинный список.

Жаль, что нет машины времени, а то бы собрать всех этих асисяев и отправить эдак в 1500 год до Нашей эры! Они бы там жили долго и счастливо. Да и нам легче дышалось бы.

Рабство – это же так просто!

Сегодня мы продолжим с вами рассуждение о некоей универсалии падшего человеческого сознания, а именно - о той тенденции, когда мы всё и всех делим на своих и чужих. Все люди, да и мы в частности, носим в себе дремучее и старое, как мир, намерение разделить мир на две неравные части. То, что своё, или тот, кто свой - и то, что не просто не моё, а чужое, которое сразу понижается в достоинстве, в ранге: **разумеется, оно не стоит ни тех усилий, ни того внимания, которого заслуживает моё.**

Нет на белом свете такого человека, который бы избежал этого искуса. И в этот искуса всё и упирается. Вся наша дальнейшая пляска, так или иначе, будет вокруг этого трудного сокрушаемого столба. Это в принципе нельзя ни доказать, ни вразумительно объяснить. Это будет всегда неким потоком сознания: я хочу, мне так нравиться, - правь, Британия, морями, как это было в 19-м веке.

Конечно, вполне естественно почитать кого угодно равным себе тем людям, которые уже привыкли с этим существовать. Скажем, когда американцам, родившимся в 80-е годы, рассказывают, что в 50-е не могли белые и черные сидеть за одной партией, - они таращат глаза и спрашивают: «Почему?». Почти так же, как наши дети, которым рассказывают байки про советскую действительность, спрашивают: «А почему так было?». А действительно, почему? Почему были такие дурацкие порядки по части «держатъ и не пуцать»? А вот потому.

При всём этом, обратите внимание, мы говорим о вещах самоочевидных, о нарушении фундаментальных прав. Фундаментальные они не потому, что невероятно глубоки по содержанию, а потому, что они очевидны. Если человека лишают жизни, то о чём ещё дальше говорить! Если безнаказанно лишают его собственности, ограничивать его свободу передвижения, принятия элементарных решений, то какой может быть дальнейший разговор! Но, оказывается, даже на таком элементарном уровне равенство прав, равенство достоинства требует духовных усилий.

Здесь нам уместно опять вспомнить про эту диаду долга и смысла. Мы с вами, как вы помните, отталкиваемся теперь от самоочевидности самоощущения долга и самоочевидных же вещей, которые выражаются в присутствии этого сознания долга. Так вот, оказывается, что эта самоочевидность не так самоочевидна, как кажется. Вот если для пигмеев самоочевидно, что разорение гнезд недопустимо потому, что это ставит под сомнение жизнь маленького пигмейского сообщества, потому что нарушает среду, - то для какого-нибудь белого плантатора тот факт, что можно не быть рабовладельцем многих рабов, оказывается, уже бывает не самоочевидным. У него естественно рождаются обоснования: ну, рабы они, наверное, потому, что запрограммированы на это... ну, что делать, я родился хозяином, а они – рабами; ну вот так вышло, не родиться же обратно, не плантатором, а рабом на плантации... и что делать? Ну, буду жить, как жил. Буду хорошим хозяином. Вот есть жестокие плантаторы, они ра-

бов бьют, а я буду хорошим хозяином. И, естественно, если выбирать между хорошим хозяином или плохим, то рабы будут любить хорошо. Но ведь не всем сердцем, а, опять же, потому, что некуда деваться.

И даже когда вот эта нехорошая, изуверская логика из соображений, прежде всего, выгоды в разных ее проявлениях преодолевается, то и преодолевается она, увы, тоже весьма своеобразно. Потому, что зачастую всё это меняется исключительно под давлением внешних обстоятельств, - не из внутреннего позыва, не из соображений высокого смысла, или, скажем ещё сильнее - не из поисков истин бытия, а из того, что по-старому уже невозможно - хозяйство тормозится, за всеми не уследишь, количество недовольных растёт, количество раненых и убитых надзирателей растёт, и лучше рабов отпустить. При этом они всё равно никуда не денутся. Ну что изменится, если бывшие американские рабы станут свободными? Ну, пусть берут себе участок земли - как они на нём, интересно, выживать будут? А никак, будут арендовать землю, всё равно в зависимости будут, хотя более достойной. Начинать им, как правило, с нуля. В конце концов, больше рабочей силы освободится. Америка в 60-е года 19-го века переживала бум производства. Нужны были рабочие руки. А тут эти яйцеголовые плантаторы сидят на своих фазендах и в ус не дуют, вообще не понимают, куда идёт Америка, и чего ей на сегодняшний день надо. Упёрлись рогами, и всё тут. Ну, сейчас дадим им по мозгам, тогда передумают... Провели Гражданскую войну (если говорить об Америке), - ну и порядок. По существу, конечно, не так быстро всё поменялось. Негры ещё долго не могли получить избирательных прав в южных штатах, потом получили, но вынуждены были мириться с тем, что белым что-то можно, а им чего-то нельзя... пока, наконец, не стало всё можно всем. Но всё равно, даже в такой разумной, процветающей и хорошо устроенной стране, как США, основная масса депрессивного населения - те, которые бедны, малоспособны к свободному самостоятельному труду наследственно, которые живут с сознанием того, что они на всё это обречены, что с этим ничего нельзя поделать, - это в основном цветные. Естественно. Было бы странно, если бы это были другие. И вот по сию пору американской администрации приходится принимать усилия для поддержания стабильности в государстве потому, что устойчиво депрессивный слой населения - это социальная напряженность, никому не нужная. Почему? Да потому что депрессивному человеку терять особо нечего. Нормальный человек идёт по улице и радуется жизни, потому что он знает ей цену, он знает, что жизнь предполагает массу удовольствий. А человек, который вырос с другим сознанием - ему это всё трин-трава. Он всегда был уверен, что какие-то удовольствия в этой жизни только с кровью вырываются. Их можно только отнять у кого-то, потому что у самого у него их нет и никогда не будет. Он будет учиться в плохих школах, у него не будет денег, чтобы получить достойное образование, значит, у него не будет хорошей престижной работы, и прочее, и прочее. То есть, конечно, это всё не то, что рабство на плантациях, но тоже непростая вещь.

Почему мы всё время переезжаем то в Англию, то в Америку, то аж в африканские джунгли? Потому что это вещи, отстранённые от нас. На отечественном материале, к сожалению, чревато приводить аналогичные примеры, - можно вызывать бурю эмоций. Хотя для наглядности аналогичный пример можно и привести. Вот вышло так, что советская экономическая система не в состоянии была дальше существовать. Хозяйство неэффективное, люди делают вид, что работают, государство делает вид, что платит им зарплату. Надо что-то менять. Кто будет менять? Те, у кого напрочь отбили инициативу, и кто не привык ничего менять в своей жизни, потому что им внушали всеми возможными способами и в школе, и по

жизни, что по собственной воле ничего изменить нельзя? Нет, менять будут те, кто знает, что к чему в государстве, кто знает, насколько всё плохо. Менять будут они. Как они будут менять? Так, чтобы всё по справедливости стало? Нет, конечно. В лучшем случае ради эффективности - исключительно из прагматических соображений. Поэтому, как известно, масса новоявленных пост-советских предпринимателей - это кто? Это бывшие партийные и комсомольские работники, а также сотрудники органов госбезопасности. Комментировать, надеюсь, не надо. В общем, это почти то же самое, что бывшие плантаторы, которые в своё время подсутились и перестроились под давлением обстоятельств.

Речь не о том, что теперь надо по-новой всё делить, так не бывает - по-новой будет только хуже. Но смысл подобных преобразований, которые происходят только под давлением обстоятельств, - он всегда прагматический. Можно что угодно говорить про строительство демократического государства, отстаивание демократических ценностей, - пока эти демократические ценности не станут ценностями для общества, до тех пор это будет фикция. Вот сколько миллиардов уже поимели наши украинские борцы за демократию? Всё достаточно цинично.

Равно, как и освобождение крестьянства в 19-м веке. Это был революционный шаг, давно назревший. Но как была произведена эта реформа? Притом, что действительно - раскрепостились, и земства появились, и появилось много сфер деятельности, быстро прогрессирующая промышленность, освободились рабочие руки и так далее. Но при этом крестьянство, как известно, от своего освобождения мало что выиграло, а нередко и пострадало. Это вывод не большевистский, не Ленин это первый заметил, а вполне такие либерально мыслящие хозяйственники 19-го века. Просто вопрос стоял ребром - если провести реформы не на прусский, как тогда выражались, манер, а по-американски, так, чтобы появилось сразу много фермеров, - то тогда под угрозой оказывались дворяне. Представить себе, что правительство Александра Второго, сплошь состоявшее из дворян, могло помыслить некий порядок государства в ближайшей 10-ти - 20-ти летней перспективе, опирающийся не на дворянство, было практически нереально, это надо было быть, я не знаю кем. Надо было дожить до 10-х годов 20-го века, чтобы появился Пётр Аркадьевич Столыпин и запустил свою реформу, которая принесла довольно быстро хороший результат, но при этом ему это дорого встало, как говорится, - его стали ненавидеть вообще все, и дело кончилось плохо - застрелили, как известно, террористы. Но это молчаливо было одобрено и другой стороной, которой он уж очень стал не нравиться. Вот и такой пример.

Так что, это мнимое выравнивание ценностей, такое вот резкое преодоление границы «свой - чужой» волею обстоятельств всегда очень подозрительно. Заметьте, куда интереснее отмечать тот незыблемый, между прочим, в истории никем непоколебимый фактор того, как в Римской империи исчезало рабство. Ну, я уже об этом говорил - никаких революций не понадобилось, никаких экстренных, чрезвычайных мер не было. Почему? Потому что медленно, но верно проникала в сознание людей новая государственная идеология под названием «христианство». Мол, вот этого нельзя потому, что оно глубоко неправильно по существу. И это притом, что апостол Павел не призвал ни к каким революциям. Наоборот. Он говорит парадоксальные вещи: если ты призван ко Христу рабом, научись уважать своего хозяина. Правда, если ты призван хозяином, то, аналогично, научись уважать того, кто у тебя работает. И никаких революций. Но для этого и той, и другой стороне надо было быть христианами, и христианами не только по названию.